

Еще несколько лет назад актера Егора Бероева знали в основном театралы: после окончания Щепкинского училища во МХАТ его пригласил сам Ефремов. Но потом, почти одновременно, к Меркуцио и Федору Годунову прибавились роли в сериалах «Гражданин начальник», «Каменская-2», «Семейные тайны»... А после того, как в прокат вышел фильм Владимира Машкова «Папа», где Егор сыграл одну из главных ролей, он и вовсе стал знаменитостью. Но и это еще не все — Бероеву доверили сыграть Эраста Фандорина в фильме «Турецкий гамбит» (съемки уже закончены, премьера не за горами). Кроме того, Егор — внук известного актера Вадима Бероева, которого помнят по картине «Майор Вихрь», муж Ксении Алферовой и соответственно зять Ирины Алферовой.

Егор Бероев:

На роль Фандорина согласился из-за примерши

«Хочу даже в 75 быть молодым и элегантным»

— Вы сейчас много снимаетесь и в силу этого живете в бешеном темпе. Вам это нравится?

— Я люблю так жить.

— А поваляться на диване с книжкой не хочется?

— Иногда. Но я успеваю и читать. Одна книжка лежит дома, другая — для поездки. Недавно перечитал воспоминания Олега Даля. Первый раз читал его еще в институте. Но сейчас мне это более понятно и интересно. Еще осилил «Охоту на Овец» Мураками, «Дэнс, дэнс, дэнс» — его же, потом взял еще один роман, но мне показалось, что там есть повторения.

— В общем, вы не в восторге...

— Я редко бываю в восторге от чего-нибудь. Мой любимый писатель — Набоков. Мне нравится у него все — и романы, и рассказы. «Лолита» — на последнем месте. Наверное, тема мне не близка... Предпочитаю то, что писали актеры — дневники Борисова, Леонова, Кайдановского, воспоминания их коллег и родственников. Там очень любопытные вещи есть. Мне интересны актеры того поколения. К сожалению, многие уже умерли. Остались единицы — Юрский, Мягков... Думаю, воспоминания нынешних актеров было бы не так увлекательно и полезно читать.

— Почему же?

— Время другое. Другая школа жизни. А мысли у людей были интереснее. Так получилось, что и среди моих друзей есть люди, которые меня значительно старше.

— С ними интереснее?

— Не думаю, что дело в их возрасте. Я знаю людей, которым много лет, но они тупари тупарями. У меня есть друг, которому 75. Он бандит. Но с ним очень интересно: он еще может быть хулиганом. Мне нравится, что мужчина преклонного возраста молод и элегантен — и его по-прежнему любят женщины. Я бы хотел в его годы быть на него похожим.

— Обычно мужчины говорят, что не доживут и до пенсии.

— Нет, я бы хотел дожить до глубокой старости.

Купил вместе с другом деревню под Костромой

— Я почти уверена, что вы не увлекаетесь компьютерными играми, как ваши ровесники. Угадала?

— Не хватает на это времени. Есть более интересные вещи в жизни. А все эти компьютерные игры... В них чувствуется что-то фальшивое. Я предпочитаю поездки, путешествия, какие-то сумасшедшие идеи.

— Например?

— Как-то скинулись с друзьями и организовали огромную

экспедицию по Чукотке. Мы искали эскимосские петроглифы (на скальные изображения. — Авт.) в пещерах. На Чукотке есть город Питак. Американцы предоставили нам аппаратуру, и на грузовиках мы двинулись в сторону Северного Ледовитого океана. Преодолели 450 километров. Потом пересели на катамараны и спустились вниз по реке к океану. По дороге не встретили ни одного человека. Впечатления были сумасшедшие. Когда-то мой журналист искал в тех широтах Атлантиду, путешествуя на корабле «Витязь», и говорил, что нашел ее, спустившись в батискафе на 150 метров в океан. Мы тоже туда спустились, видели все неясно, но кое-что там валялось на дне... В общем, сделали массу увлекательных вещей: а все потому, что легкие на подъем люди.

— У вас есть и другое увлечение — лошади...

— На них, к сожалению, не хватает времени. Хотя я очень люблю лошадей. И в «Турецком гамбите» много с ними работал. У меня есть несколько своих лошадей в деревне под Костромой, в том числе и непородистых. Почему-то к ним я привязан больше. Самую любимую лошадь зовут Индус. Еще есть Рута и Нина.

— Лошади весьма дороги. Вы их покупаете?

— Да, а что еще делать? Цена лошади зависит от того, что она умеет. Буквально неделю назад отъез лошадь во Францию на обучение, после которого она возрастет в цене. Для меня это никакого значения не имеет, но интересно посмотреть, что получится.

— А кто-то пиджаки коллекционирует?

— Это неинтересно. Я свою куртку ношу уже тысячу лет, потому что она мне нравится.

— Ваш дом в Костромской области — родовое гнездо?

— Нет, я сам его купил. В красивом месте, в деревне, которая была на грани заброшенности. Мы с другом практически купили всю деревню, и теперь она поднимается. Там нет местных жителей.

— Дом из красного кирпича и с башенками?

— Нет, деревянный. Бываю там очень редко. Деревня стоит на реке, которая через сорок километров впадает в Волгу. Если сильно захотеть, от Московского водохранилища можно долететь туда на яхте. Но на машине все-таки проще.

Ради «Турецкого гамбита» год провел в Болгарии

— У вас какая-то странная растительность на лице. Это не остатки фандоринских усов?

— Нет, ведь съемки «Турецкого гамбита» уже закончились. Небрежность я стараюсь поддерживать для другой роли. Но я пока не могу о ней говорить.

— Из сувениров?

— Нет, я несусеверен. Просто скажешь, а потом картина не

Так отрываться только и можно что на собственной свадьбе

Планировать детей — глупо... Между прочим, у моего прапрадеда было 27 детей. Его первая жена родила двадцать четыре ребенка.

выйдет: мало ли, возникнут проблемы с продюсерами или еще что-нибудь. Не люблю, когда ты уже всем рассказал про съемки, потом они срываются и у тебя постоянно спрашивают: «А где фильм?»

— Вроде бы на съемках «Турецкого гамбита» вас ранили...

— Да. Для одной боевой сцены в стельку подсолнуха спрятали взрывчатку. Во время взрыва куточкой подсолнуха разлетелись с бешеной скоростью и попали мне в лицо. Ссадины очень долго заживали, хотя следов не осталось.

— Вам интересно было играть Эраста Петровича? Ведь он довольно схематичный персонаж.

— Забавно. Не более того.

— А тогда почему вы за эту роль взялись?

— Мне понравилась примерша, как будет меня гримировать, что я тут же согласился участвовать в этом проекте.

— То есть вы доверяете своим ощущениям, а не голове?

— Абсолютно.

— Ошибались?

— Конечно. Это нормально.

неудобства от того, что я актерский ребенок. Для меня большая честь быть продолжателем дела своего деда. Когда он умер, я еще не родился. Но моя бабушка часто его вспоминает... Как раз сегодня снимали сцену с Валентином Гафтом: он мне много рассказывал о деду. Гафт прекрасно помнит, как дед забирал мою маму из роддома. Поэтому все воспоминания живы — и это здорово.

— Но воспитывал вас другой дедушка — журналист Леонид Почивалов. Он научил вас чему-то?

— Быть мужчиной. В том числе в отношениях с женщиной. Утром в день рождения бабушки мы с ним вставали рано-рано и ехали на рынок покупать цветы. Когда бабушка проснулась, видела опромый букет. В другие дни цветы можно было дарить, когда она уже проснулась. Мы с дедом очень много путешествовали, лазили по горам, лесам, сплавлялись по горным рекам. Он научил меня ничего не бояться. Когда я родился, бабушке было всего 40, а деду — 45. Поэтому я их не воспринимал как бабушку с дедушкой.

— Когда вы заканчиваете работу в очередной картине, что чувствуете?

— Грусть. Жаль расставаться с группой. Пока работаем на картине, становимся близкими людьми. Бывают и сложные случаи: когда высокая температура, а вся группа тебе помогает, пытается снять сцену побыстрее. Конец работы всегда отмечаем — обычно в ресторане.

— У вас такая профессия, что нужно постоянно держать себя в форме. Это сложно для вас?

— Иногда сложно. Я люблю есть. Но тут важно преодолеть рубеж — решительно отказаться от чего-то, а потом уже легче. Но когда нет съемок, на диете не сижу — отъедаюсь.

— В винах разбираетесь?

— Отчасти. Я предпочитаю чистые напитки — водку, вино. Не люблю ликеры. Многомне понял о вине, когда жил в Болгарии целый год во время съемок «Турецкого гамбита».

Было дело — мыл полы на Тверской

— Слышала, вы неплохой художник. Что пишете?

— Я рисую для себя. Если получается, дарю друзьям. Пишу в основном пейзажи в стиле импрессионистов. Людей — не умею. Мой учитель рисования — звезда балета Владимир Васильев. Он давний друг нашей семьи.

— А кто научил гонять на мотоцикле? Вы ведь любите и это занятие.

— Деревенские друзья детства. Мы чинили мопеды, а потом на них гоняли. А машину водить научила подружка моей мамы, когда мне было 13. Уже в 14 преодолевал огромные расстояния, километров по 400, ездил в Кострому. Гаишники остановили всего один раз — прав у меня, есте-

Такого Эраста Петровича мы скоро увидим в «Турецком гамбите» — гримерша и вправду постаралась

«Папа» Владимир Машков был еще и наставником

ственно, не было. Но удалось эту проблему уладить.

— Сейчас пошла мода на детей. Рожают и Клаудиа Шиффер, и Джулия Робертс...

— Но планировать это глупо. У моего прапрадеда было 27 детей. Его первая жена родила двадцать четыре ребенка и умерла во время последних родов.

— Стало быть, родня у вас огромная. Что знаете?

— Не всех, но многих. Мои родственники живут по всей стране — кто в Орле, кто в Обнинске. Разной родни действительно много. Со стороны бабушки были такие братья Шваревы. Это огромные, под два метра, мужики с большими руками. Один — художник, второй — летчик, третий — скульптор... А всего их семеро. Один — отец моей бабушки, избрал непроходимое стекло для истребителей во время войны. Кто-то из предков, еще в царской России, был машинистом поезда. У меня хранится десятирублевка с автографом Николая Второго.

— Помните, как заработали первые собственные деньги?

— Я с детства играл в театре. Платили мне два рубля за спектакль. А поскольку играл много, рублей 30 в месяц выходило.

— Все отдавали маме?

— Нет. Сначала хотел купить мопед и копил деньги. Но так и не накопил — бабушка попросила денег, еще на что-то потратил, и они сами собой испарились. А когда повзрослел, мыл пол в магазине на Тверской, с одинадцати утра и до часу ночи. И так каждый день. Платили 600 рублей в месяц, по тем временам хорошие деньги. Пакет молока тогда стоил пятерку.

— Поль, наверное, больше не мопе?

— Разве что иногда. В деревенском доме.

— А теперь сколько стоите как актер — знаете?

— Я знаю, сколько стоит мой съемочный день, но никакого отношения к деньгам и разговорам о них в профессии не имею. Эту работу гениально делают мои агенты.

■ Надежда Келлер.